

МУНИРА
ВАГИНА

КОРОЛЬ
слёз

18+

Мунира Вагина

Король слёз

<https://litres.ru/74481969>

SelfPub; 2026

Аннотация

Виктор Ратников — влиятельный чиновник, безупречный руководитель и человек, которому привыкли доверять. Но за закрытыми дверями его любовь превращается в контроль, страх и чужие слёзы. Лидия, Карина и Ася слишком хорошо знают, что скрывается за его спокойной улыбкой. Софья Горгадзе, психолог с холодным умом и сильным характером, появляется в его жизни не случайно. Она заставляет Виктора почувствовать то, что годами чувствовали женщины рядом с ним: ожидание, ревность, бессилие и страх потерять. Но чем дальше заходит её игра, тем опаснее становится главный вопрос: можно ли наказать человека, не превратившись в него самого? Месть неожиданно сталкивается с настоящим чувством, прошлое выходит наружу, а человек, привыкший быть хозяином чужих эмоций, впервые остаётся один на один со своими. «Король слёз» — психологическая драма о власти и любви, о цене контроля, ответственности за прошлое и границе, за которой чувство перестаёт быть правом на другого человека.

Содержание

Глава 1. Безупречный человек	4
Глава 2. После любви	24
Глава 3. Золотая клетка	46
Глава 4. Горничная	60
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Мунира Вагина

Король слез

Глава 1. Безупречный человек

Виктор Аркадьевич Ратников не любил опозданий, громких голосов и дешёвых ручек. Первое он считал признаком неуважения, второе — недостатка воспитания, третье — почти личным оскорблением вкусу. В управление культуры он приезжал за десять минут до начала рабочего дня, хотя водитель неизменно привозил его раньше. Эти несколько минут Виктор проводил в машине, просматривая сообщения и наблюдая, как сотрудники спешат к стеклянным дверям старого административного здания. Ему нравилось видеть, что они торопятся. Не из страха — так, во всяком случае, он предпочитал думать, — а потому что здесь всё должно было работать точно.

У входа его встретила секретарь Марина Сергеевна. Ей было около пятидесяти, она служила в управлении ещё при двух предыдущих руководителях и умела по выражению лица начальника понимать, можно ли сегодня заходить к нему с неприятными бумагами. Ратников снял пальто и протянул ей портфель.

— Доброе утро, Марина Сергеевна. Как ваша мама?

Секретарь на секунду растерялась. Неделю назад она просила уйти пораньше, чтобы отвезти мать к врачу, и не ожидала, что он запомнит.

— Спасибо, Виктор Аркадьевич. Уже лучше.

— Вот и хорошо. А вы сегодня не задерживайтесь. В семь вечера здание должно быть пустым. Люди, которые не умеют отдыхать, начинают плохо работать.

Он сказал это мягко, почти по-дружески, и Марина Сергеевна улыбнулась. За её спиной две молодые сотрудницы обменялись быстрыми взглядами. Виктор заметил. Он замечал почти всё.

На планёрке присутствовали двенадцать человек. Начальники отделов, юрист, заместитель по финансам, руководитель пресс-службы и совсем молодая девушка из отдела городских мероприятий, которая сидела на краю длинного стола, прижимая к груди папку так, будто та могла её защитить. Её звали Полина, и в управлении она работала меньше месяца.

Ратников вошёл без папок и бумаг. Ему нравилось говорить без записей: это производило впечатление человека, который держит всю систему в голове.

— Коллеги, начнём. У нас двадцать минут, поэтому предлагаю уважать время друг друга.

Он сел во главе стола и выслушал отчёты. Не перебивал. Не стучал пальцами. Не повышал голос. Только иногда снимал очки, проводил дужкой по нижней губе и задавал ко-

роткий вопрос, после которого длинные объяснения обычно становились ненужными.

Когда очередь дошла до Полины, девушка открыла папку слишком резко, и несколько листов соскользнули на пол. Финансовый заместитель Лапшин усмехнулся.

— Ну вот, молодёжь пошла. Сначала презентации научитесь держать, потом фестивали организуйте.

Несколько человек улыбнулись. Полина покраснела и наклонилась за бумагами.

— Сергей Ильич, — негромко произнёс Ратников.

Лапшин сразу перестал улыбаться.

— Да?

— Мы здесь оцениваем работу, а не ловкость рук. Если вам нечего добавить по содержанию проекта, не мешайте человеку говорить.

Тон оставался ровным. Ни упрёка, ни раздражения. Но Лапшин откинулся на спинку кресла и больше не произнёс ни слова.

Ратников посмотрел на Полину.

— Продолжайте. Не торопитесь.

Девушка подняла глаза. В них мелькнула благодарность.

Через пятнадцать минут совещание закончилось. Ратников утвердил выставочную программу, отправил на доработку смету осеннего фестиваля и неожиданно похвалил пресс-службу за удачную серию публикаций. Когда сотрудники начали вставать, он остановил Полину.

— На минуту.

Она снова побледнела.

— Виктор Аркадьевич, я понимаю, что не всё подготовила...

— Вы подготовили достаточно. Но когда входите в кабинет с проектом на три миллиона, не держите папку как школьный дневник. Вы должны выглядеть так, будто уверены в каждом рубле.

Полина неловко улыбнулась.

— Поняла.

— И ещё. Не позволяйте людям вроде Лапшина определять, насколько вы хороши в своей работе. Он проверяет границы. Один раз промолчите — будет делать это постоянно.

— Спасибо.

— Не за что. Работайте.

Когда девушка вышла, Марина Сергеевна принесла кофе.

— Вы её спасли, — сказала она.

Ратников поднял бровь.

— От чего?

— От слёз.

— На работе плакать вообще вредно, Марина Сергеевна. Косметика течёт, решения не принимаются.

Секретарь рассмеялась. Виктор тоже улыбнулся и вернулся к документам.

К одиннадцати часам в кабинет пришла делегация из районного дома культуры. Пожилой директор жаловался на ава-

рийную крышу, просил дополнительное финансирование и несколько раз сбивался, путая цифры. Ратников слушал терпеливо, сам позвонил в финансовый отдел, уточнил остатки резервного фонда и пообещал решить вопрос до конца недели. Директор пожал ему руку обеими ладонями.

— Спасибо вам, Виктор Аркадьевич. Человеческое спасибо. Сейчас редко кто слушает.

— Для того мы здесь и сидим, — ответил Ратников.

Эта фраза понравилась всем присутствующим. Особенно самому Виктору.

Он умел нравиться людям не потому, что старался. Скорее, потому что давно понял: человеку достаточно дать почувствовать себя замеченным. Запомнить имя его жены. Спросить о больной матери. Подвинуть стул женщине. Не унижать подчинённого при свидетелях. Такие мелочи создавали репутацию куда надёжнее громких речей.

В коридорах управления его приветствовали с уважением, но без того липкого испуга, которым некоторые чиновники окружали себя сами. Виктору это нравилось. Страх на работе казался ему примитивным инструментом. Гораздо эффективнее было добиться того, чтобы люди хотели заслужить его одобрение.

В обед он спустился в служебную столовую. Редко, но принципиально ел там вместе со всеми. Работники считали это демократичностью. Никто не знал, что Виктор просто не любил быть человеком, которого обсуждают после того, как

он покинул помещение. Иногда полезно было сидеть рядом.

За соседним столиком две сотрудницы говорили о городском театре. Одна пожаловалась, что на премьеру невозможно достать билеты. Ратников повернулся.

— На пятницу осталось два места в служебной брони. Марина Сергеевна оформит.

— Виктор Аркадьевич, да что вы, неудобно...

— Неудобно спать на потолке. А театр должен быть заполнен.

Снова смех. Снова благодарность.

В половине шестого он подписал последние документы, позвонил заместителю мэра и напомнил о встрече на следующей неделе. Затем надел пальто, лично выключил свет в кабинете и вышел к секретарю.

— Вы ещё здесь?

Марина Сергеевна показала на пачку писем.

— Пять минут.

— Три.

— Командуете?

— Забочусь.

Он придержал ей дверь, дождался лифта и первым пропустил внутрь двух женщин из юридического отдела. На первом этаже охранник поднялся из-за стойки.

— До завтра, Виктор Аркадьевич.

— До завтра, Николай Петрович. Внук выздоровел?

Охранник просиял.

— Да. Спасибо, что спросили.

На улице уже темнело. Водитель открыл перед ним заднюю дверь чёрного автомобиля. Ратников сел, ослабил галстук и впервые за весь день позволил лицу стать пустым.

Телефон завибрировал.

Лидия: «К семи будешь? Я приготовила ужин».

Он посмотрел на сообщение несколько секунд и напечатал: «Да».

Потом добавил: «Надень чёрное платье».

Ответ пришёл почти сразу: «Хорошо».

Ратников убрал телефон в карман.

— Домой, — сказал он водителю.

До дома было сорок минут. Город за окном постепенно менялся: административный центр уступал место новым жилым кварталам, затем дорогим частным домам за высокими заборами. Ратников почти не смотрел наружу. Он думал о смете фестиваля, о звонке заместителю мэра и о том, что Лидия в последнее время снова стала слишком молчаливой.

Молчание жены раздражало его сильнее споров.

Виктор считал себя человеком, который умеет разговаривать. Если возникала проблема, её следовало назвать. Если женщина была недовольна, пусть объяснит. Но Лидия обладала этой своей отвратительной привычкой отвечать «всё нормально» таким тоном, что нормальным не оставалось ничего.

Он вошёл в дом в семь часов четыре минуты.

Лидия ждала в гостиной.

На ней было чёрное платье. То самое, которое он привёз из Милана два года назад: узкое, закрытое, подчёркивающее талию. Волосы она собрала в низкий узел. В руках держала бокал воды.

— Привет, — сказала она.

Виктор снял пальто и передал его горничной, которая появилась из холла.

— Добрый вечер, Виктор Аркадьевич.

— Добрый, Ася.

Он едва посмотрел на девушку. Лидия это заметила и почему-то немного расслабилась.

— Ужин готов, — сказала она.

— Сначала переоденусь.

Он поднялся наверх. В спальне всё лежало на привычных местах: домашняя рубашка на кресле, часы на бархатной подставке, тапочки у кровати. Виктор любил порядок. Порядок означал, что дом понимает, кому принадлежит.

За ужином Лидия рассказывала о выставке, на которой была днём с подругой. Виктор слушал рассеянно. Несколько раз она пыталась вовлечь его в разговор, но он отвечал односложно.

— Ты устал? — спросила она наконец.

— Немного.

— Тогда не буду приставать.

Он поднял взгляд.

— В каком смысле?

Лидия замерла.

— В обычном. Не буду грузить разговорами.

— Я похож на человека, которого можно «грузить» твоими разговорами?

— Виктор, я не это имела в виду.

— Тогда выражайся точнее.

Он сказал это спокойно. Настолько спокойно, что Ася, подававшая салат, ничего не заметила. Лидия заметила.

Она опустила глаза.

— Хорошо.

Ратников продолжил есть.

Через несколько минут он спросил:

— Ты сегодня звонила мне в половине четвёртого?

— Да.

— Зачем?

— Хотела узнать, во сколько будешь.

— Для этого есть сообщения.

— Я просто позвонила.

— Я был на встрече.

— Я же не знала.

Виктор медленно положил вилку.

— Лидия.

— Что?

— Когда я говорю, что был на встрече, нормальный ответ

— «извини». Не «я же не знала».

Она посмотрела на него. Несколько секунд в её лице сохранялось что-то похожее на усталость, а потом оно стало привычно осторожным.

— Извини.

— Вот. Совсем несложно.

Он снова взял вилку.

Ася стояла у буфета, спиной к столу. Виктор заметил, что девушка стала двигаться тише.

После ужина они поднялись в спальню.

Лидия молча сняла серьги и положила их на туалетный столик. Виктор подошёл сзади, коснулся её плеч. Она вздрогнула почти незаметно.

— Что?

— Ничего.

— Ты опять напряжена.

— Просто устала.

— От чего? От выставки?

В его голосе появилась улыбка.

Лидия встретила с ним глазами в зеркале.

— Виктор, пожалуйста.

— Что «пожалуйста»?

— Давай сегодня без этого.

Он убрал руки.

— Без чего?

Она сразу поняла, что ошиблась.

— Я не хотела тебя обидеть.

— Ты ещё ничего не сказала, а уже боишься, что обидела.
Интересно.

— Я просто не хочу ссориться.

— Мы не ссоримся.

Он отошёл к окну. За стеклом лежал тёмный сад, подсвеченный низкими фонарями. В рабочем кабинете Виктор никогда не поворачивался к человеку спиной, если разговор становился неприятным. Дома мог себе позволить.

— Ты сегодня даже не спросила, как прошёл мой день, — сказал он.

Лидия тихо выдохнула.

— Я спросила, устал ли ты.

— Это не одно и то же.

— Хорошо. Как прошёл твой день?

Он обернулся.

— Теперь уже неинтересно.

Лидия закрыла глаза на секунду.

— Что я опять сделала не так?

Вот этого вопроса он ждал.

Не потому, что заранее планировал разговор. Просто именно здесь всё становилось на свои места. Она спрашивала. Он объяснял.

— Ты последнее время живёшь рядом со мной так, будто делаешь одолжение, — произнёс он. — Вечно уставшая. Вечно молчишь. Вечно какая-то обиженная.

— Я не обиженная.

— Тогда почему у тебя такое лицо?

— Какое?

— Вот такое.

— Виктор, я не могу контролировать лицо каждую секунду.

Он усмехнулся.

— На людях прекрасно контролируешь.

Она сняла кольцо и положила рядом с серьгами. Простое движение. Но Виктор заметил его сразу.

— Зачем сняла?

Лидия посмотрела на кольцо.

— Всегда снимаю на ночь.

— Нет.

— Что — нет?

— Не всегда.

— Виктор...

— Надень.

Она не пошевелилась.

В комнате стало очень тихо.

— Я сказала что-то ужасное? — спросила Лидия. — Или ты просто ищешь повод?

Он смотрел на неё несколько секунд.

На работе подобный тон он бы пропустил. Возможно, даже улыбнулся бы. Подчинённым позволялось иметь настроение. Женщинам дома — нет.

— Повтори.

Лидия побледнела.

— Не надо.

— Нет. Повтори то, что сказала.

— Я сказала, что ты ищешь повод.

— Для чего?

Она молчала.

— Для чего, Лида?

— Для скандала.

Виктор подошёл ближе.

— Ты хочешь скандала?

— Нет.

— Тогда зачем провоцируешь?

— Я тебя не провоцирую.

— Уже провоцируешь.

Она сделала шаг назад.

И именно этот шаг изменил что-то в его лице.

Лидия знала этот момент. Самым страшным был не крик.

Виктор почти никогда не кричал сразу. Сначала в нём исчезало всё живое. Голос становился тише. Движения — медленнее. Будто человек, которого утром благодарили сотрудники за выдержку, окончательно уходил, оставляя вместо себя кого-то другого.

— Ты меня боишься? — спросил он.

— Нет.

— Врёшь.

— Я не хочу продолжать этот разговор.

— А я хочу.

Он схватил её за запястье.

Лидия дёрнулась.

— Отпусти.

— Не устраивай спектакль.

— Мне больно.

— Потому что вырываешься.

Она перестала сопротивляться.

Виктор отпустил руку и почти сразу поправил манжет рубашки, будто происходящее раздражало прежде всего его самого.

— Вот видишь. Можно же нормально.

На коже Лидии уже проступали красные следы.

Она посмотрела на них, потом на него.

— Ненавижу тебя.

Он ударил её.

Не сильно — так он потом скажет себе. Ладонью. Один раз.

Лидия отшатнулась и ударилась бедром о край туалетного столика. Флакон духов опрокинулся, но не разбился.

Несколько секунд оба молчали.

На лице Виктора появилось выражение почти искреннего удивления.

— Зачем ты меня доводишь?

Лидия прижала ладонь к щеке.

— Не подходи.

— Лида...

— Не подходи ко мне.

Теперь её голос дрожал.

Он сделал ещё шаг. Она отступила к кровати.

— Ты сейчас опять всё переворачиваешь. Я пришёл домой спокойно. Мы нормально поужинали. Кто начал?

Она посмотрела на него так, будто действительно пыталась вспомнить.

Это нравилось ему меньше всего.

— Кто начал? — повторил он.

— Я сказала, что не хочу ссориться.

— Нет. Ты обвинила меня в том, что я ищу повод.

— Потому что ты его искал.

Второй удар был сильнее.

Лидия упала на край кровати.

После этого Виктор несколько секунд тяжело дышал, будто физическое усилие совершил не он, а кто-то другой.

Из коридора донёсся едва слышный скрип.

Ратников повернул голову.

Дверь спальни была закрыта.

— Ася? — громко сказал он.

Тишина.

Он подошёл к двери и резко открыл.

Коридор был пуст.

Внизу хлопнула дверь подсобного помещения.

Виктор постоял, прислушиваясь, затем вернулся в спаль-

ню.

Лидия сидела на кровати, прижав к губам пальцы.

— Прекрати этот цирк, — сказал он уже устало. — Умойся.

Она подняла глаза.

— Завтра синяк будет.

— Не будет.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я тебя не избивал.

Он произнёс это совершенно спокойно.

Лидия смотрела на него несколько секунд, а потом тихо рассмеялась. Без радости. Этот смех неожиданно задел Виктора сильнее её слов.

— Что смешного?

— Ничего.

— Тогда перестань.

Она встала и ушла в ванную.

Виктор остался один.

На туалетном столике лежало обручальное кольцо.

Он взял его двумя пальцами, посмотрел, затем положил точно в центр маленького бархатного коврика.

Порядок должен был быть восстановлен.

Через двадцать минут он спустился на кухню.

Ася стояла возле мойки и складывала посуду в сушильный шкаф.

Услышав шаги, девушка обернулась.

— Вы что-то хотели, Виктор Аркадьевич?

Он посмотрел на неё внимательнее, чем обычно.

— Ты поднималась наверх?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

— Точно?

— Да.

Виктор улыбнулся.

— Хорошо.

Он открыл холодильник, достал бутылку воды.

— Иди домой. Поздно уже.

— Спасибо.

Ася сняла фартук и почти сразу исчезла в служебной части дома.

Ратников налил воду в стакан и выпил половину одним глотком.

Он не любил, когда его слышали.

Не потому, что стыдился.

Просто домашние дела не имели отношения к посторонним.

Вернувшись в спальню, он увидел Лидию у окна. На щеке проступала тень будущего синяка.

— Лёд приложила?

Она не ответила.

— Лида.

— Да.

— Завтра останься дома.

— У меня встреча.

— Отмени.

Она медленно повернулась.

— Из-за синяка?

Виктор вздохнул.

— Из-за того, что тебе надо отдохнуть.

— Конечно.

Он пропустил интонацию.

Подошёл, положил ладони ей на плечи.

На этот раз она не вздрогнула. Просто стояла неподвижно.

— Я не хотел, — сказал он.

Лидия молчала.

— Ты же знаешь, я ненавижу, когда мы ссоримся.

Она смотрела в окно.

— Скажи что-нибудь.

— Что?

— Что всё нормально.

Она закрыла глаза.

— Всё нормально.

Виктор поцеловал её в висок.

— Вот и хорошо.

Утром он проснулся раньше будильника.

Лидия спала на самом краю кровати, отвернувшись к стене. Ратников несколько секунд смотрел на неё, затем бесшумно встал.

На кухне приготовил кофе сам. Пока машина гудела, открыл телефон и увидел письмо от Марины Сергеевны: в девять тридцать ожидался новый специалист по психологическому сопровождению сотрудников. Документы были согласованы ещё на прошлой неделе.

«Софья Горгадзе», — прочитал он фамилию.

Имя ничего ему не сказало.

Виктор закрыл письмо.

Перед выходом он поднялся в спальню. Лидия уже сидела перед зеркалом и осторожно наносила тональный крем на щёку.

Он положил рядом с ней небольшую коробку.

— Что это? — спросила она.

— Открой.

Внутри лежали серьги с бриллиантами.

Лидия посмотрела на них без выражения.

— Зачем?

— Просто так.

Она подняла глаза к зеркалу и встретила с его взглядом в отражении.

— Ничего не бывает просто так, Витя.

Он улыбнулся.

— Не начинай с утра.

Потом наклонился, поцеловал её в волосы и вышел.

В восемь сорок пять чёрный автомобиль остановился у управления культуры.

Охранник открыл дверь.

— Доброе утро, Виктор Аркадьевич.

— Доброе, Николай Петрович.

Марина Сергеевна уже ждала возле кабинета.

— Как настроение? — спросила она.

Ратников снял пальто.

— Прекрасное.

И это было правдой.

Он вошёл в кабинет ровной походкой человека, который никогда не теряет самообладания.

Глава 2. После любви

Лидия проснулась раньше Виктора и несколько минут лежала неподвижно, глядя в сероватый прямоугольник окна. В доме было тихо. Где-то внизу едва слышно звякнула посуда — Ася, вероятно, уже накрывала к завтраку. Рядом Виктор дышал ровно, глубоко, как человек, которому ничто не мешает спать.

Лидия осторожно повернула голову. В полумраке его лицо казалось моложе. Исчезала жёсткая складка возле губ, разглаживался лоб, и становилось почти невозможно поверить, что несколько часов назад этот человек говорил ей те слова, от которых хотелось исчезнуть из собственной кожи.

Она провела кончиками пальцев по щеке. Боль была тупой, терпимой. Синяк проступил сильнее, чем вечером. Макияж скроет не всё.

Виктор шевельнулся.

Лидия мгновенно убрала руку.

— Который час? — спросил он, не открывая глаз.

— Без четверти семь.

— Почему не спишь?

— Проснулась.

Он открыл глаза и посмотрел на неё внимательно. Сначала на лицо, потом на плечо, затем снова на лицо.

— Болишь?

Лидия почти усмехнулась.

— Щека болит.

Он сел, провёл ладонью по волосам и вздохнул, будто неприятность случилась с ним.

— Я же сказал приложить лёд.

— Я приложила.

— Значит, мало.

Лидия ничего не ответила.

Виктор протянул руку, коснулся её подбородка и повернул лицо к свету. Она хотела отстраниться, но не сделала этого. Он рассматривал след на коже почти профессионально.

— Сойдёт к вечеру.

— У меня встреча в одиннадцать.

— Отмени.

— Не могу.

— Почему?

— Потому что она назначена две недели назад.

— И что?

Лидия посмотрела на него.

— Не всё можно отменять, когда тебе хочется.

На секунду в его глазах появилось знакомое потемнение, но он удержался.

— Опять начинаешь?

— Я ничего не начинаю.

— Тогда не говори со мной таким тоном.

Она отвернулась и спустила ноги с кровати.

— Каким?

— Вот этим. Будто я тебе что-то должен.

Лидия встала, накинула халат и подошла к окну. Снаружи двор был ещё полутёмным. На газоне лежала тонкая ночная изморось, и фонари отражались в ней тусклыми пятнами.

— Ты ударил меня, Витя.

— И?

Она медленно повернулась.

— Что «и»?

— Я уже сказал, что не хотел. Сколько можно это мусолить?

— Ты не извинился.

Он усмехнулся.

— Лида, мы вместе двадцать лет. Неужели тебе нужно слово «извини», чтобы понять очевидное?

— Мне нужно, чтобы ты хотя бы один раз назвал то, что сделал, своим именем.

Виктор встал с кровати.

— А ты хотя бы один раз можешь назвать своим именем то, что делаешь сама?

— Что именно?

— Провоцируешь.

Она закрыла глаза.

— Конечно.

— Вот опять.

Он подошёл ближе.

— Ты знаешь, что меня выводит из себя, и всё равно делаешь. Потом изображаешь жертву.

— Я не изображаю.

— Тогда перестань вести себя так, будто я чудовище.

Лидия долго смотрела на него. В такие минуты ей казалось, что главное его оружие — не руки, не голос, не деньги и даже не положение. Главное — способность говорить уверенно, не сомневаясь ни в одном слове. Он создавал собственную версию событий прямо на глазах, и если разговор длился достаточно долго, ей начинало казаться, что, возможно, она действительно сказала что-то не так, не вовремя, не тем тоном.

— Я пойду в душ, — произнесла она.

— Иди.

Он позволил ей пройти.

У двери ванной Лидия услышала:

— И надень сегодня шарф.

Она остановилась.

— Зачем?

— Шея открыта. Щека заметна. Не надо, чтобы люди задавали глупые вопросы.

Она повернулась.

— А если зададут?

Виктор пожал плечами.

— Скажешь, ударилась.

— Обо что?

— Лида, придумай что-нибудь. Ты взрослая женщина.

Он сказал это спокойно, почти устало, будто её неспособность придумать правдоподобную ложь была ещё одной бытовой проблемой, которую ему приходилось решать.

Лидия закрыла дверь ванной.

Под струёй воды она стояла долго. Не плакала. Слёзы закончились давно — не вообще, конечно, а именно такие, быстрые и горячие, после каждой ссоры. В первые годы она плакала часто. Потом научилась сохранять лицо. Это Виктор ценил особенно: он не терпел истерик.

Когда она вернулась в спальню, он уже был одет. Белая рубашка, тёмный костюм, галстук сдержанного синего цвета. Безупречный. На туалетном столике рядом с её косметикой лежала раскрытая коробочка с серьгами.

— Надень, — сказал он.

— Не хочу.

— Почему?

— Не подходят к платью.

Он посмотрел на неё через зеркало.

— Подбери другое платье.

— Витя...

— Я купил их тебе.

— Я вижу.

— Тогда в чём проблема?

Лидия опустила кисточку.

— В том, что подарок не отменяет вчерашнего.

На этот раз он молчал дольше.

Потом подошёл, опёрся ладонями о спинку её кресла и наклонился.

— Ты решила наказать меня?

— Нет.

— Тогда не строй из себя святую.

— Я ничего не строю.

— Ты живёшь в этом доме. У тебя есть всё. Машина, деньги, поездки, помощь по дому. Ты никогда не считала, сколько стоит твоя жизнь. И после одной ссоры устраиваешь мне суд.

— После одной?

Слова вырвались слишком быстро.

Виктор выпрямился.

Лидия увидела перемену в его лице и сразу пожалела, что сказала.

— Сколько? — спросил он.

— Неважно.

— Нет, теперь важно. Сколько раз я тебя, по-твоему, обидел?

— Я не считаю.

— А звучит так, будто считаешь.

Она отвернулась к зеркалу.

— Мне надо собираться.

— Посмотри на меня.

Лидия продолжила наносить тон.

— Я сказал: посмотри на меня.

Она медленно подняла глаза.

— Ты ведь знаешь, что я могу быть другим, — произнёс Виктор. — Почему ты всегда доводишь до того, что потом сама же страдаешь?

Ей захотелось спросить, каким именно другим он может быть. Тем, что придерживает дверь секретарше? Тем, кто помнит о чужих больных родственниках? Тем, кого коллеги называют редким порядочным человеком?

Но она промолчала.

Он воспринял молчание как согласие.

— Вот и хорошо. Давай не будем начинать утро с ерунды.

Ерунда. Это слово Лидия ненавидела почти так же, как слово «провоцируешь».

Внизу за завтраком Виктор был уже другим. Он поблагодарил Асю за омлет, поинтересовался, как чувствует себя её мать, и даже предложил вызвать хорошего специалиста, если понадобится.

Ася стояла у стола, опустив глаза.

— Спасибо, Виктор Аркадьевич. Пока не нужно.

— Если что — скажите Лидии.

Он говорил мягко. Так мягко, что Лидии хотелось рассмеяться.

— Лида, кофе будешь? — спросил он.

— Да.

Он сам налил ей кофе.

— Тебе без сахара.

— Я знаю.

— Я тоже знаю.

И улыбнулся.

Она смотрела на его руку, держащую кофейник, и думала, как легко этой же рукой он вчера ударил её. Никакого противоречия в нём не было. По крайней мере, для него.

Ася поставила на стол тарелку с фруктами.

Виктор задержал взгляд на девушке дольше обычного.

Лидия заметила.

Слишком быстро отвернулась.

— Ты сегодня во сколько вернёшься? — спросила она.

— Не знаю. Может быть, поздно.

— Предупреди.

— Конечно.

Он отпил кофе и, словно вспомнив что-то, посмотрел на неё.

— Вечером никуда не планирую.

Лидия напряглась.

— Почему?

— Хочу побыть дома.

— Хорошо.

— И не делай такое лицо.

— Какое?

— Усталое.

Она усмехнулась.

— Может быть, я устала.

— От чего?

Вопрос прозвучал почти весело.

Лидия положила ложку.

— Ни от чего.

— Вот и отлично.

Он встал, поцеловал её в макушку и ушёл.

Через минуту хлопнула входная дверь. Ещё через несколько секунд за окнами прошелестели шины автомобиля.

Лидия продолжала сидеть за столом.

Ася убирала посуду.

Обе молчали.

Потом девушка тихо спросила:

— Вам лёд принести?

Лидия подняла глаза.

Ася стояла к ней боком и не смотрела прямо.

— Ты слышала?

— Нет.

Ответ был слишком быстрым.

Лидия поняла.

— Всё нормально, — сказала она.

Ася сжала губы.

— Конечно.

И в этом тихом «конечно» было больше правды, чем во всех утренних словах Виктора.

* * *

На работе Ратников появился в девять без пяти.

Марина Сергеевна встретила его с планшетом в руках.

— Доброе утро, Виктор Аркадьевич. В девять тридцать новый психолог. В десять совещание по городской программе, в одиннадцать журналисты, в двенадцать...

— Журналистов перенесите на двенадцать тридцать.

— Хорошо.

— И кто этот психолог?

Марина пролистала расписание.

— Софья Георгиевна Горгадзе. Тридцать четыре года. До этого работала в частном центре и консультировала две крупные организации. Рекомендации хорошие.

— Кавказ?

— По фамилии, наверное.

Ратников слегка улыбнулся.

— Фамилия ещё не биография.

— Согласна.

Он вошёл в кабинет.

На столе уже лежала папка нового сотрудника. Ратников открыл её без особого интереса. Диплом. Повышение квалификации. Несколько благодарственных писем. Фотографии в кадровом деле не было.

Он пролистал документы и закрыл папку.

Его интересовало не это.

Психологи всегда вызывали у него лёгкое раздражение.

Слишком много слов о границах, травмах и эмоциях. Люди, по его мнению, слишком охотно объясняли слабость обстоятельствами.

Он сел за стол и открыл почту.

Первое письмо касалось осеннего фестиваля. Второе — отчёта по ремонтам. Третье было от Лидии.

«Я сегодня всё-таки поеду на встречу. Не волнуйся, замажу».

Виктор перечитал сообщение.

Ему не понравилось слово «замажу».

Словно он оставил на ней метку.

Он быстро написал:

«Не драматизируй».

Через минуту пришло:

«Я не драматизирую».

Он задержал палец над экраном.

Хотел написать длиннее. Объяснить, что не надо выносить на поверхность то, что уже закончилось. Что ночь прошла. Что они взрослые люди. Что семейная ссора — это не трагедия.

Но вместо этого просто убрал телефон.

В девять двадцать семь Марина постучала.

— Софья Георгиевна пришла.

— Пусть подождёт пять минут.

— Хорошо.

Он намеренно продолжил читать документы.

Не из желания произвести впечатление. Просто любил, когда новый человек понимал ритм учреждения: здесь не входили к руководителю тогда, когда удобно им.

Через пять минут он нажал кнопку селектора.

— Пригласите.

Дверь открылась.

Сначала Ратников увидел тёмные волосы, затем спокойное лицо женщины, которая вошла без суеты и сразу посмотрела прямо на него.

Она была в светлой блузке и тёмной юбке, без вызывающих деталей, без лишних украшений. В руках — тонкая папка.

— Софья Георгиевна Горгадзе, — представилась она.

Голос был низковатым и ровным.

Виктор встал.

— Виктор Аркадьевич Ратников.

Он протянул руку.

Софья пожала её уверенно, без той лёгкой поспешности, которую он часто замечал у новых сотрудников.

— Присаживайтесь.

Она села.

Ратников тоже занял своё место.

— Я посмотрел ваши документы. Впечатляюще.

— Спасибо.

— Почему государственное управление? После частного центра, думаю, зарплата здесь покажется скромной.

— Зарплата — не единственная причина выбирать работу.

— Обычно это говорят те, кто может позволить себе не считать деньги.

Софья слегка улыбнулась.

— Или те, кто считает не только деньги.

Он поднял глаза.

Интересно.

— А что именно вы рассчитываете делать у нас?

— То, для чего меня пригласили. Работать с конфликтами, выгоранием, стрессом, адаптацией молодых сотрудников.

— У нас хороший коллектив.

— Хороший коллектив тоже состоит из людей.

— И?

— А люди иногда устают, раздражаются, боятся, конкурируют и молчат о том, о чём стоило бы говорить.

Виктор откинулся на спинку кресла.

— Вы считаете, здесь есть проблемы?

— Я здесь семь минут. Если бы уже считала, это было бы непрофессионально.

Он рассмеялся.

— Хороший ответ.

— Правдивый.

— Это не всегда одно и то же.

— Для меня желательно, чтобы было одним.

Фраза прозвучала совершенно спокойно.

Ратников несколько секунд смотрел на неё.

Большинство новых сотрудников в первые минуты старались угадать, что ему понравится. Софья не угадывала.

Это раздражало.

И одновременно нравилось.

— Марина Сергеевна покажет вам кабинет, — сказал он.

— Через неделю жду первые наблюдения.

— Наблюдения о чём?

— О коллективе.

— Я не составляю психологические досье на сотрудников.

— Я не просил досье.

— Тогда уточните задачу.

Он чуть прищурился.

— Атмосфера. Конфликтные точки. Люди, которым нужна поддержка.

— Это можно.

— Отлично.

Софья закрыла папку.

— Тогда до встречи, Виктор Аркадьевич.

Она встала.

Обычно в этот момент люди задерживались. Добавляли что-нибудь вежливое. Благодарили за уделённое время. Пытались понравиться.

Софья просто пошла к двери.

— Софья Георгиевна.

Она обернулась.

— Да?

— Вы всегда так быстро заканчиваете разговор?

— Когда он закончен — да.

Она вышла.

Ратников ещё несколько секунд смотрел на закрытую дверь.

Потом нажал селектор.

— Марина Сергеевна.

— Да?

— Где вы её нашли?

— Кого?

— Горгадзе.

— Кадровая служба прислала. Я вам пакет согласования ещё месяц назад показывала.

— Я помню.

Он отпустил кнопку.

Почему-то ему захотелось улыбнуться.

* * *

Вечером Лидия действительно вернулась позже него.

Это случалось редко.

Ратников сидел в гостиной и просматривал новости на планшете, когда услышал, как открылась дверь.

Она вошла в лёгком пальто и шарфе. Макияж скрывал синяк почти полностью.

— Где была? — спросил он.

— На встрече. Я же говорила.

— До семи?

— Мы потом зашли выпить кофе.

— С кем?

Лидия остановилась.

— С Инной.

— Только с Инной?

— Да.

Он положил планшет.

— Почему не написала?

— Не знала, что должна.

— Мы утром говорили.

— Ты сказал никуда не планировать вечером. Я думала,

речь про поздний вечер.

— А семь — это не вечер?

Лидия сняла шарф.

— Виктор, пожалуйста, не начинай.

Он встал.

— Опять я начинаю?

Она замерла.

Он сразу заметил страх.

И, как ни странно, это его успокоило.

— Подойди.

— Зачем?

— Просто подойди.

Она медленно подошла.

Виктор взял её за подбородок и повернул лицо к свету.

— Почти не видно.

— Я рада.

— Не язви.

— Я не язвлю.

Он отпустил её.

— Я заказал ужин. Ася сегодня ушла раньше.

— Хорошо.

— Переоденься.

Лидия направилась к лестнице.

— Лида.

Она остановилась.

— Что?

— Серьги почему не надела?

Пауза.

— Забыла.

— Завтра надень.

Она ничего не ответила и поднялась вверх.

Виктор смотрел ей вслед.

Он не считал себя ревнивым мужем. Не считал себя жестоким. Не считал себя плохим человеком.

Плохие люди, по его мнению, не заботятся о семье. Не оплачивают жене поездки. Не покупают подарки. Не решают проблемы родственников. Не помнят о годовщинах.

Плохие люди не умеют любить.

А он любил.

Просто Лидия иногда заставляла его становиться тем, кем он не хотел быть.

Позже, когда они легли, она отвернулась к стене.

Виктор некоторое время лежал молча.

Потом коснулся её плеча.

— Ты сердишься?

— Нет.

— Врёшь.

— Я устала.

— От меня?

Она не ответила.

Он приблизился.

— Лида.

— Что?

— Посмотри на меня.

Она повернулась.

Виктор провёл пальцами по её волосам.

— Не надо делать из нас врагов.

Лидия смотрела на него неподвижно.

— Я не делаю.

— Тогда будь со мной.

Он поцеловал её.

Она не отстранилась.

Именно это он всегда принимал за согласие.

После близости Виктор лежал на спине, удовлетворённый и спокойный. Лидия натянула простыню до плеч.

Несколько минут он молчал.

Потом сказал:

— Тебе всё-таки лучше с распущенными волосами.

Она закрыла глаза.

— Хорошо.

— И похудеть бы немного.

Лидия повернула голову.

— Что?

— Я не говорю, что ты толстая. Просто раньше талия была лучше.

Она медленно села.

— Обязательно сейчас?

— Что «сейчас»?

— Ты не можешь хотя бы после этого не искать во мне недостатки?

Виктор нахмурился.

— Я сказал как есть.

— Именно.

— То есть мне надо врать?

— Иногда можно просто промолчать.

Он усмехнулся.

— Женская логика. Сначала требуют честности, потом обижаются.

— Я не требовала оценки моего тела.

— Лида, тебе сорок три. Я не обязан притворяться, что тебе двадцать пять.

Она резко отбросила простыню и встала.

— Вот зачем?

— Что?

— Зачем ты это делаешь?

— Что именно?

— Сначала заставляешь меня поверить, что всё нормально. Потом обязательно находишь место, куда ударить.

Виктор сел.

— Осторожнее со словами.

— Почему? Потому что опять «довежу»?

Он посмотрел на неё холодно.

— Иди сюда.

— Нет.

— Лидия.

— Я сказала нет.

Тишина стала плотной.

Он встал.

Она отступила на шаг.

Виктор остановился.

В этот момент он мог бы ударить.

Лидия это знала.

Он тоже.

Но вместо этого Виктор улыбнулся.

— Видишь, до чего ты довела наши отношения? Уже ша-
рахаешься от меня.

У неё задрожали губы.

— Я не хочу тебя бояться.

— Тогда не бойся.

Просто. Как будто страх можно выключить приказом.

Он подошёл к шкафу, достал халат и надел его.

— Спи.

— А ты?

— Пойду в кабинет.

— Хорошо.

Он задержался у двери.

— Завтра серьги.

Лидия закрыла глаза.

— Хорошо.

Дверь закрылась.

Она осталась одна.

Несколько минут просто стояла посреди комнаты.

Потом села на край кровати и вдруг тихо заплакала.

Не от удара.

Не от слов.

От страшного ощущения, что всё повторяется по кругу и конец каждого такого круга всегда одинаков: он спокоен, она виновата, утром появляется подарок.

* * *

В кабинете Виктор налил себе немного коньяка и включил ноутбук.

Почта была почти пустой.

Он открыл расписание на завтра.

В десять — совещание.

В одиннадцать — комитет.

В два — встреча с подрядчиком.

И почему-то взгляд остановился на строке:

«14:30 — психологическое сопровождение. С. Г. Горгадзе».

Виктор вспомнил спокойный взгляд Софьи.

«Когда разговор закончен — да».

Он усмехнулся.

Самоуверенная.

Такие женщины обычно особенно быстро менялись, когда понимали, кто перед ними.

Он закрыл ноутбук.

Из спальни не доносилось ни звука.

Виктор допил коньяк и подумал, что завтра надо купить Лидии цветы.

Белые розы.

Она любила белые.

И эта мысль окончательно вернула ему хорошее настроение.

Глава 3. Золотая клетка

Карина проснулась от тишины. Не от звука, не от вибрации телефона, не от скрипа двери — именно от тишины, слишком плотной для квартиры в центре города. Несколько секунд она лежала, не открывая глаз, и пыталась понять, что изменилось. Потом вспомнила: Виктор уехал ночью, а перед уходом забрал ключи.

Она резко села на кровати.

На прикроватной тумбе лежал телефон. Экран был чёрным. Карина схватила его, провела пальцем, увидела четыре процента заряда и сразу проверила сообщения. Ни одного от Виктора.

Это было хуже, чем если бы он написал двадцать.

Она вышла в коридор босиком. Квартира встретила её безупречным порядком: светлый камень пола, зеркала, встроенные шкафы, две большие фотографии Парижа, которые Виктор выбрал сам, хотя Карина терпеть не могла чёрно-белые городские снимки. Здесь всё было дорого. Всё было красиво. Почти ничего не было её.

У входной двери она дёрнула ручку.

Закрывается.

Сначала Карина просто стояла, держась за металл ладонью. Потом попробовала ещё раз, сильнее, словно дверь могла передумать.

— Ну конечно, — сказала она вслух.

Её голос прозвучал глупо в огромной прихожей.

Вчера всё началось с сообщения. Обычного, совершенно пустого: коллега по старой работе прислал фотографию их прежнего офиса и написал: «Смотри, что нашли при переезде». Карина улыбнулась. Виктор заметил.

Он не спросил сразу. Это было его особенностью. Сначала делал вид, что ничего не произошло, продолжал ужин, говорил о людях, которых она не знала, рассказывал про совещание. А потом, уже когда они собирались спать, протянул руку:

— Дай телефон.

Карина тогда даже засмеялась.

— Зачем?

— Просто дай.

— Нет.

Он посмотрел на неё с таким искренним недоумением, будто она отказалась передать ему солонку.

— Что значит «нет»?

— То и значит.

— У тебя есть что скрывать?

— У меня есть личный телефон.

После этого начался тот самый разговор, который она знала наизусть. Сначала — спокойный. Потом логичный. Потом унижительный. Потом страшный.

Виктор не кричал. Он почти никогда не кричал на Карину.

Кричащий мужчина выглядел слабым, а слабым он не позволял себе быть даже наедине с любовницей.

— Если между нами всё честно, — сказал он тогда, — странно так цепляться за переписку.

— А если между нами всё честно, странно требовать мой телефон.

— Ты сейчас сравниваешь вещи, которые не сравниваются.

— Почему?

— Потому что я отвечаю за тебя.

Карина замерла.

— Что?

— Я сказал: отвечаю. За квартиру. За поездки. За твой уровень жизни. За твою безопасность.

— Я тебя об этом не просила.

Виктор улыбнулся.

— Нет?

И одной этой улыбкой заставил её вспомнить аренду, машину, поездку в Италию, счёт в клинике матери, который он оплатил без просьбы. Он умел дарить так, чтобы потом любовью подарок превращался в доказательство долга.

Карина отошла к окну.

— Это не даёт тебе права читать мои сообщения.

— Значит, всё-таки есть что читать.

— Господи, Виктор...

— Кто написал?

— Антон.

Он изменился мгновенно.

— Какой Антон?

— Бывший коллега.

— Бывший?

— С работы.

— Почему он тебе пишет вечером?

— Было восемь двадцать.

— Не уходи от ответа.

Она помнила, как тогда посмотрела на него и впервые за долгое время увидела со стороны. Красивый мужчина в дорогой рубашке, спокойный, ухоженный, уверенный. Никакой грубости. Никакой очевидной угрозы. Если бы кто-то вошёл в комнату в этот момент, решил бы, что они просто разговаривают.

Только Карина знала, что дверь в разговор уже закрыта.

— Он прислал фото офиса, — сказала она. — Всё.

— Покажи.

— Нет.

Виктор медленно кивнул.

— Хорошо.

Это «хорошо» она ненавидела больше ругани.

Он оделся, взял со столика свою связку ключей, потом неожиданно забрал и её запасные, которые лежали в прихожей.

— Ты что делаешь?

— Раз тебе нужно побыть одной — побудь.

— Виктор, верни ключи.

— Завтра поговорим.

— Ты не можешь меня запереть.

Он посмотрел на неё почти ласково.

— Могу. Видишь?

И ушёл.

Теперь было утро.

Карина стояла у двери и чувствовала, как внутри нарастает холод.

Она позвонила ему.

Первый вызов — без ответа.

Второй — без ответа.

На третьем он сбросил.

Карина закрыла глаза.

Потом пошла на кухню и поставила телефон на зарядку. Ей хотелось разбить бокал, тарелку, зеркало — что угодно, что принадлежало этой квартире и ему. Но она знала: если что-то разобьёт, разговор потом будет не о том, что он её запер. Разговор будет о разбитом бокале.

В этом Виктор был гением.

Он всегда умел менять предмет разговора.

Через час телефон зазвонил.

Карина смотрела на имя несколько секунд, прежде чем ответить.

— Да.

— Доброе утро.

Его голос был спокойным, почти бодрым.

— Открой дверь.

— Ты уже проснулась?

— Виктор, открой дверь.

— Я на работе.

— Тогда пришли водителя.

— Зачем?

— Затем, что я не пленница.

Повисла пауза.

— Опять красивые слова, Карина.

— Это не красивые слова. Ты запер меня в квартире.

— Квартире, за которую плачу я.

— Значит, ты считаешь, что купил вместе с ней меня?

— Не начинай.

— Это ты начал.

В голосе Виктора появилась усталость.

— Мы поговорим вечером. Сейчас у меня совещание.

— А у меня жизнь.

— Вот и подумай о ней до вечера.

Он отключился.

Карина сжала телефон так сильно, что заболели пальцы.

Когда-то ей казалось, что ревность означает чувство. В самом начале даже нравилось, как Виктор замечает взгляды других мужчин, как кладёт ладонь ей на талию, как спрашивает, кто звонил. После мужчин, которым было всё равно,

его внимание казалось почти роскошью.

Только роскошь постепенно стала режимом.

Сначала он просил писать, когда она доехала. Потом — где она. Потом — с кем. Потом просил фотографию. Потом стал звонить неожиданно. Потом появляться без предупреждения. Потом однажды сказал: «Если любишь, тебе нечего скрывать». И эта фраза оказалась ключом ко всем дверям, кроме одной — входной.

К полудню Карина попыталась вызвать мастера через приложение. Потом вспомнила про консьержа. Позвонила вниз.

— Добрый день. Это квартира сто восемнадцать. Можете подняться?

— Простите, Карина Андреевна, — ответил мужчина после короткой паузы. — Виктор Аркадьевич просил никого не направлять без его разрешения.

У неё пересохло во рту.

— Когда он успел?

— Не могу сказать.

— Я хозяйка квартиры.

— В договоре собственник другой.

Карина отключилась.

Вот тогда ей впервые стало по-настоящему страшно.

Не потому, что дверь была закрыта. Потому что всё было подготовлено. Виктор не вспылил. Не сорвался. Он организовал её запертую квартиру так же, как организовывал совещания: заранее, точно, без лишних слов.

Она подошла к окну. Двенадцатый этаж. Внизу люди переходили дорогу, курьер на велосипеде спорил с водителем, женщина в красном пальто держала ребёнка за руку. Мир продолжался в двадцати метрах от неё и был недоступен.

Карина прижалась лбом к холодному стеклу.

— Господи, что я делаю? — прошептала она.

Ответа не было.

К трём часам она уже не злилась. Злость выгорела, оставив после себя тяжёлую ясность.

Она открыла шкаф и достала дорожную сумку.

Положила туда джинсы, два свитера, бельё, косметичку, документы. Потом открыла ящик с украшениями. Почти всё подарил Виктор.

Карина долго смотрела на них.

Взяла только часы, которые купила себе сама ещё до него.

Остальное оставила.

В половине восьмого щёлкнул замок.

Карина стояла в гостиной уже одетая. Сумка была у дивана.

Виктор вошёл с большим букетом белых роз.

Он увидел сумку сразу.

Но сначала снял пальто.

Потом поставил цветы на стол.

— Красивые, правда?

Карина смотрела на него молча.

— Я спросил: красивые?

— Открой дверь.

— Она открыта.

— И больше никогда её не закрывай.

Виктор усмехнулся.

— Ты собралась уходить?

— Да.

— Куда?

— Не твоё дело.

— Вот как.

Он подошёл к барной стойке, налил себе воды.

— Значит, из-за одного вечера мы перечёркиваем три года?

— Не из-за вечера. Из-за того, что ты считаешь нормальным меня запирать.

— Я дал тебе время успокоиться.

— За запертой дверью.

— Ты была в безопасности.

— Я была в тюрьме.

Он поставил стакан.

— Не употребляй слов, смысл которых не понимаешь.

Карина вдруг рассмеялась.

— Вот это в тебе самое страшное.

— Что именно?

— Ты правда веришь в то, что говоришь.

Виктор смотрел на неё долго.

— А ты правда думаешь, что где-то тебя будут любить

больше?

Она вздрогнула.

Он заметил и сразу продолжил:

— Кто? Этот Антон? Мужчина, который шлёт фотографии по вечерам? Или кто-нибудь из тех, кто смотрит на тебя в ресторанах? Ты думаешь, им нужна ты? Им нужна картинка. Я единственный человек, который знает тебя настоящую.

— Нет. Ты единственный человек, который хочет, чтобы я забыла, какая я настоящая.

Его лицо стало жёстче.

— Красиво придумано.

— Я не придумывала.

Карина подняла сумку.

— Отойди.

Виктор не двигался.

— Я сказал, что дверь открыта.

— Тогда пропусти.

— Сначала поговорим.

— Нет.

— Карина.

— Нет.

Он сделал шаг ближе.

Она инстинктивно отступила.

Виктор остановился и посмотрел на неё с почти оскорблённым выражением.

— Ты меня боишься?

Карина хотела солгать.

Но устала.

— Да.

Это слово ударило сильнее, чем она ожидала.

Виктор отвернулся.

Несколько секунд было слышно только тиканье часов.

— После всего, что я для тебя сделал, — произнёс он тихо.

— Вот именно. После всего.

Он резко повернулся.

— Я оплатил лечение твоей матери.

— Я знаю.

— Купил тебе машину.

— Знаю.

— Ты три года жила так, как раньше не могла себе позволить.

— Знаю.

— И теперь уходишь из-за того, что я один раз закрыл дверь?

Карина почувствовала, как к горлу подступают слёзы.

— Я уйду потому, что ты перечисляешь всё это как цену.

Он замолчал.

Она прошла к двери.

На этот раз Виктор не остановил.

Карина взялась за ручку.

— Если выйдешь сейчас, — сказал он за спиной, — не

возвращайся.

Она замерла.

Это была его последняя ставка. Он знал, чего она боится. Не его. Пустоты после него. Потери привычного уровня жизни. Необходимости снова начинать с нуля. Вопросов матери. Собственных сомнений ночью.

Карина закрыла глаза.

Потом открыла дверь.

И увидела на площадке две огромные коробки.

— Что это? — спросила она, не оборачиваясь.

— Посмотри.

В одной коробке было пальто, которое она примеряла месяц назад и не купила из-за цены. Во второй — сапоги той же марки.

Карина стояла в дверях.

Виктор подошёл сзади, но не коснулся.

— Я хотел сделать тебе сюрприз, — сказал он уже совсем другим голосом. — А мы опять довели всё до абсурда.

Она сжала ручку сумки.

— Не мы.

— Хорошо. Я.

Карина обернулась.

Он впервые за весь вечер выглядел почти уязвимым.

— Я ревную, — сказал Виктор. — Да. Потому что люблю тебя. Потому что знаю, как на тебя смотрят. Потому что боюсь однажды прийти и увидеть пустую квартиру.

Карина смотрела на него и ненавидела себя за то, что сердце откликнулось.

— Нельзя запирать человека, если боишься, что он уйдёт.

— Знаю.

— Ты не знаешь.

— Тогда научи.

И вот это было хуже всего.

Не угроза. Не приказ. Не холодный взгляд.

Просьба.

Виктор умел становиться мягким ровно в тот момент, когда женщина почти решалась уйти.

Карина опустила сумку.

Он ничего не сказал. Просто забрал её из руки и поставил у стены.

Потом обнял.

Она стояла, прижавшись щекой к его груди, и чувствовала, как медленно исчезает решимость.

— Больше никогда, — прошептала она.

— Никогда.

Он сказал это сразу.

Слишком легко.

Позже они ужинали на кухне. Розы стояли в высокой вазе. Виктор рассказывал о новом психологе в управлении — женщине с необычной фамилией, которая, по его словам, разговаривала так, будто не понимала разницы между начальником и остальными.

— И тебе это не понравилось? — спросила Карина.

— Наоборот. Забавно.

— Как её зовут?

— Софья Горгадзе.

Карина поднесла бокал к губам.

Имя ничего ей не сказало.

Пока.

Ночью Виктор уснул быстро.

Карина лежала рядом и смотрела в потолок.

Дверь квартиры была открыта. Ключи лежали на тумбочке рядом с её телефоном.

Она могла встать, одеться и уйти.

Но не уходила.

И вдруг поняла страшную вещь: золотая клетка перестаёт быть клеткой не тогда, когда открывают дверь. А тогда, когда человек внутри снова вспоминает, что имеет право выйти.

Карина пока не вспомнила.

Глава 4. Горничная

Ася научилась двигаться по дому Ратниковых почти бесшумно. Не потому, что этого требовала Лидия. Напротив, хозяйка несколько раз говорила ей, чтобы она не кралась и не вздрагивала от каждого звонка. Но за полгода работы девушка поняла: в этом доме лучше было заранее слышать чужие шаги и самой не оставлять после себя никаких звуков.

Особенно когда дома был Виктор Аркадьевич.

Утро началось спокойно. Лидия уехала к врачу, потом собиралась встретиться с подругой. Виктор обещал вернуться только поздно вечером. Ася перестирала полотенца, поставила суп на маленький огонь и поднялась наверх менять постельное бельё.

Она любила такие часы, когда дом пустовал.

Высокие окна пропускали много света, в коридорах исчезало ощущение постоянного присутствия, и даже тиканье часов в гостиной звучало не так тяжело. Можно было открыть окно в спальне, включить музыку совсем тихо и не ждать, что за спиной неожиданно раздастся голос.

Мать звонила дважды.

Во второй раз Ася ответила.

— Мам, я на работе.

— Я быстро. В поликлинике сказали, анализы опять платные.

Ася закрыла дверь спальни и присела на край кресла.

— Сколько?

Мать назвала сумму.

Ася прикрыла глаза.

Для кого-то деньги были небольшими. Для неё — почти половина того, что оставалось после оплаты комнаты и лекарьств.

— Я пришлю.

— Ты откуда возьмёшь?

— Есть.

— Ася...

— Мам, всё нормально.

Она сама услышала, как легко сказала эти два слова.

В этом доме их произносили часто.

«Всё нормально» говорила Лидия, когда спускалась к завтраку слишком бледная.

«Всё нормально» говорила она же, если Ася случайно замечала синяк под рукавом.

«Всё нормально» сказал однажды Виктор Аркадьевич, когда разбил бокал о стену, а потом велел убрать осколки.

Ася закончила разговор и посмотрела на аккуратно застеленную кровать.

На тумбочке лежали серьги Лидии. Те самые, которые Виктор подарил ей после последней ссоры. Ася знала, потому что утром случайно услышала разговор супругов.

Она не хотела слышать.

В этом доме многое слышалось само.

К часу дня она закончила почти всю работу. Оставалось только протереть библиотеку на первом этаже и разобрать продукты, которые должен был привезти курьер.

Когда у ворот остановилась машина, Ася решила, что это доставка.

Но через минуту услышала знакомый звук входной двери. Сердце неприятно дёрнулось.

Виктор Аркадьевич вошёл без пальто, в костюме, с телефоном в руке.

— Добрый день, — сказала Ася.

Он посмотрел на неё так, будто несколько секунд вспоминал, кто она.

— Лидия дома?

— Нет. Она говорила, что будет после пяти.

— Ясно.

Он снял пиджак и протянул ей.

Ася машинально взяла.

— Я ненадолго. Через час уеду.

— Хорошо.

— Кофе сделайте.

— Сейчас.

Он ушёл в кабинет.

Ася повесила пиджак на вешалку и почувствовала слабый запах дорогого парфюма. Раньше он казался ей приятным. Теперь от него почему-то становилось тревожно.

Она поставила кофе, принесла чашку в кабинет и собиралась выйти, когда Виктор сказал:

— Подождите.

Ася остановилась.

— Да?

Он просматривал бумаги, не поднимая головы.

— Мать как?

— Спасибо. Лучше.

— Вы говорили, обследование нужно.

— Да.

— Сделали?

Ася замялась.

— Пока нет.

Теперь он поднял глаза.

— Почему?

— Запись только через неделю.

— Я спрашиваю не про запись.

Она поняла.

— Дорого.

— Сколько?

— Виктор Аркадьевич, не надо.

— Я спросил, сколько.

Она назвала сумму.

Он коротко усмехнулся.

— И из-за этого вы тянете?

— Для меня это не «из-за этого».

Он открыл ящик стола, достал несколько купюр и положил перед собой.

— Возьмите.

Ася замерла.

— Нет, спасибо.

— Почему?

— Я заработаю.

— Когда? Через месяц?

— Ничего.

— А если матери станет хуже?

Вопрос попал точно.

Она смотрела на деньги.

— Возьмите, — повторил он мягче. — Потом вычтем из зарплаты, если вам так спокойнее.

Ася медленно протянула руку.

— Я верну.

— Конечно.

Он улыбнулся.

Эта улыбка почему-то не успокоила.

Она взяла деньги и быстро вышла.

Оставшиеся сорок минут Ася старалась не попадаться ему на глаза. Она разбирала продукты, потом долго вытирала уже чистую столешницу. Слышала, как Виктор разговаривает по телефону в кабинете — вежливо, спокойно, даже шутит.

В половине второго он вышел.

— Я уезжаю.

Ася выдохнула.

— Хорошо.

Он дошёл до прихожей, потом вдруг остановился.

— Где мой второй телефон?

— Какой?

— Чёрный. Я оставлял его наверху вчера.

— Я не видела.

— Посмотрите в спальне.

Она поднялась.

Телефон лежал на комоде возле окна. Ася взяла его и уже собиралась спуститься, когда дверь спальни открылась.

Виктор стоял на пороге.

— Нашли?

— Да.

Она протянула телефон.

Он не взял.

Вместо этого посмотрел на неё внимательнее.

Слишком внимательно.

— Вы меня боитесь?

Ася растерялась.

— Нет.

— Неправда.

— Я просто работаю.

— Я вижу.

Он вошёл и прикрыл дверь.

Не запер.

Просто прикрыл.

Но Ася сразу заметила.

— Виктор Аркадьевич, телефон.

Она снова протянула его.

Он взял аппарат, положил на комод и спросил:

— Сколько вам лет?

— Двадцать четыре.

— Совсем молодая.

Ася ничего не ответила.

— Учитесь?

— Заочно.

— Где?

Она назвала университет.

— Хорошо. Умная девушка.

Он подошёл ближе.

Ася отступила на полшага.

Виктор заметил.

— Вот опять.

— Что?

— Отходите.

— Мне нужно вниз.

— Куда вы всё время торопитесь?

Она посмотрела на дверь.

— Работать.

— Работа никуда не денется.

Его голос оставался спокойным.

Именно это пугало сильнее всего.

Если бы он повысил голос, стало бы проще. Можно было бы назвать происходящее ссорой, грубостью, странностью. Но он говорил так, будто в комнате не происходило ничего необычного.

— Вы красивая, Ася, — сказал он.

Она почувствовала, как холодеют пальцы.

— Спасибо.

— И всё?

— А что я должна сказать?

Он улыбнулся.

— Ничего не должны.

После слова «должны» Ася вдруг вспомнила деньги в кармане фартука.

Ей стало плохо.

— Я пойду.

Она шагнула к двери.

Виктор перехватил её за локоть.

Не резко.

Почти мягко.

Но достаточно крепко, чтобы она остановилась.

— Отпустите.

Он посмотрел на её руку, потом на лицо.

— Не надо так драматизировать.

Эту фразу она уже слышала.

От Лидии — никогда.

От него — много раз.

— Отпустите меня.

— Я ничего вам не делаю.

— Тогда отпустите.

Пауза.

Он разжал пальцы.

Ася сразу сделала шаг назад.

— Вы странная, — произнёс он. — Я вам помогаю, разговариваю нормально, а вы смотрите так, будто я вас обидел.

— Я не просила вас помогать.

— Деньги взяли.

Она побледнела.

Виктор увидел, что попал в точку.

— Я верну.

— Да Господи, причём тут деньги?

Он сделал вид, что рассердился именно на её подозрение.

— Вы сами всё превращаете во что-то грязное.

Ася молчала.

— Я просто хотел, чтобы вы немного расслабились.

— Я расслаблена.

— Нет.

Он приблизился снова.

На этот раз она не успела отойти.

Когда он коснулся её лица, Ася дёрнулась.

— Не надо.

— Тише.

— Не трогайте меня.

Виктор вздохнул.

— Вы как ребёнок.

— Я сказала нет.

На мгновение его лицо изменилось.

Очень мало.

Исчезла улыбка.

— Не надо со мной таким тоном.

Ася смотрела на него и впервые отчётливо поняла то, что Лидия, возможно, знала давно: опаснее всего было не то, что он сердился. Опаснее было, что он считал свою злость правильной.

— Я уйду, — сказала она.

— Куда?

— С работы.

— Сейчас?

— Да.

Он рассмеялся.

— Из-за того, что я сказал, что вы красивая?

— Из-за того, что вы меня не отпускаете.

— Я вас держу?

Он поднял обе руки, демонстративно освобождая пространство.

— Дверь там.

Ася пошла.

Она успела сделать два шага.

Потом Виктор сказал:

— И деньги положите на стол.

Она остановилась.

Рука сама легла на карман фартука.

Перед глазами возникла мать, пластиковая папка с анализами, список лекарств на холодильнике в съёмной комнате.

Ася повернулась.

— Я верну вечером.

— Нет. Сейчас.

— Они нужны матери.

— Мне-то что?

Эта фраза прозвучала буднично.

И именно поэтому окончательно разрушила иллюзию помощи.

Ася достала купюры и положила на комод.

— Забирайте.

Виктор посмотрел на деньги.

— Вот видите. А я хотел по-человечески.

Она уже не отвечала.

Он подошёл к двери первым и закрыл её плотнее.

Теперь щелчок замка прозвучал отчётливо.

Ася почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Откройте.

— Успокойтесь.

— Откройте дверь.

— Сначала перестаньте устраивать сцену.

— Я закричу.

Виктор посмотрел на неё почти с любопытством.

— Кричите.

Дом был большой.

За окнами сад, за садом высокий забор. Соседний участок находился далеко. Лидии дома не было. Водитель ждал у ворот, но в другой части двора и в машине.

Ася поняла это сразу.

Виктор тоже.

Дальше всё произошло не быстро и не так, как потом будет вспоминаться.

В памяти останутся обрывки.

Белое покрывало.

Часы на стене.

Его спокойный голос.

Собственное «нет», сказанное несколько раз, потом ещё раз, потом уже почти шёпотом.

Ощущение, что тело перестало принадлежать ей раньше, чем он прикоснулся снова.

И главное — невозможность понять, как человек может продолжать говорить мягко, когда другой человек просит остановиться.

Когда всё закончилось, Ася сидела на краю кресла и смотрела в одну точку.

Виктор застёгивал рубашку.

Он выглядел раздражённым.

Не виноватым.

Именно раздражённым.

— Не надо делать из этого трагедию, — сказал он.

Ася не ответила.

— Слышите меня?

Она подняла глаза.

— Да.

— Вы взрослая женщина.

Он взял деньги с комода и положил рядом с ней.

— Возьмите.

Ася смотрела на купюры.

— За что?

Виктор поморщился.

— Опять начинаете.

— За что деньги?

— Матери на обследование.

— Нет.

— Не глумите.

Она встала.

Ноги дрожали, но голос почему-то стал ровным.

— Я сказала нет.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Хотите уволиться?

— Да.

— Увольняйтесь.

— Хорошо.

Он пожал плечами.

— Но подумайте сначала. Зарплата у вас хорошая. Лидия к вам относится нормально. Матери нужны лекарства. Учёба платная, насколько я понимаю.

Ася застыла.

Каждая фраза была точной.

Он знал.

Конечно, знал.

За полгода работы в доме он успел узнать про неё больше, чем она думала.

— Это угроза? — спросила она.

— Что вы несёте?

— Вы говорите, что я не могу уйти.

— Я говорю, что вы должны думать головой.

Он положил деньги ей в карман фартука.

Ася резко вытащила их и бросила на кровать.

Купюры разлетелись по белому покрывалу.

Виктор побледнел.

— Поднимите.

— Нет.

— Я сказал, поднимите.

— Нет.

Он сделал шаг к ней.

Ася не отступила.

Что-то внутри уже произошло. Страх никуда не исчез, но поверх него возникла такая ясная ненависть, что стало легче

СТОЯТЬ.

— Однажды вы заплатите, — сказала она.

Он остановился.

— Что?

— Не деньгами.

Неско

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.